

ПРОБЛЕМА КОНТЕКСТУЛЬНОСТИ В НАУКЕ, РЕЛИГИИ И ИСКУССТВЕ

«**Контекст** (от лат. contextus – сцепление, соединение, связь), относительно законченный по смыслу отрывок текста или речи, в пределах которого наиболее точно и конкретно выявляется смысл и значение отдельно входящего в него слова, фразы, совокупности фраз» [10;275]. Понятие *контекста*, таким образом, отсылает нас к понятию *целого* и к проблеме содержательного соотношения части и целого. Известно древнее искусство и теория истолкования текстов – *герменевтика* (от греческого ερμηνεω – разъясняю, истолковываю).

Но откуда появилась такая потребность – разъяснять и истолковывать то, что было когда-то написано кем-то? Разве тот, кто писал, специально что-то недоговаривал, что-то зашифровывал? Или в том, что написано, есть еще что-то, кроме того, что написано? Оба утверждения верны, а поэтому любой текст имеет, по крайней мере, два контекстных поля: гносеологическое и социальное.

Происхождение *гносеологического* контекстного поля связано с ранним периодом развития **науки** – периодом протонауки, когда существовала традиция шифровки, кодирования знаний для затруднения проникновения профанов в тайну позитивных знаний жреческой науки [7]. В древней книге «Двенадцать ключей», посвященной алхимии, читаем следующее описание процесса очищения золота от примесей путем троекратного сплавления его с сурьмой: «Льва проглатывает голодный серый волк, которого затем сжигают на огне, после чего король освобождается. Если проделать это трижды, лев одолеет волка» [9]. Другой причиной такой «кодировки» текста было, конечно, отсутствие понятийного аппарата науки. Но факт деления людей на «посвященных» и «профанов» известен: *только посвященный, то есть обладающий знанием, понимает контекст текста*. Дальнейшее развитие гносеологического контекстуального поля связано с развитием науки, которая все более становится открытой и все менее «герметичной». В современной науке вопрос выявления контекста – это вопрос соотнесения анализируемого текста с более обширным гносеологическим полем, каковым являются теории, концепции, доктрины, гипотезы, парадигмы и т.д. А сама проблема контекста трансформируется в проблему истины и знания.

Кризис язычества и появление христианства как его альтернативы все более выявляет *социальное* контекстное поле текстов, которое мы можем изучать и видеть в двух, часто взаимосвязанных, формах общественного сознания – **религиозном и художественном**.

Так, раннее христианство «глазами» неоплатоников увидело совершенно иной контекст платоновских текстов. Трансформация платонизма в неоплатонизм и, далее, в раннехристианскую теологию – прекрасный пример развития социального контекста в религии, когда по сути одно и то же начинает пониматься по-разному. Античное Единое, Благо чудесным образом превращается в Бога, Демиурга. Античный Логос, воспринимаемый нами лишь интеллигибельно, что есть процесс интеллектуального восхождения познающего индивида к всеобщим законам Бытия, в неоплатонизме познается уже в процессе эманации через

свехумный экстаз, а у Блаженного Августина уже только «сердцем», верой и любовью.

У христианских (православных и католических) писателей и теологов герменевтика – это уже исключительно толкование Священного писания (Библии) вкупе со Священным преданием и церковной традицией. Ни православные, ни католические писатели не допускают толкование Библии в отрыве от текстов отцов церкви и текстов современной церковной практики. В католичестве и православии субъектом-носителем контекста, то есть высших смыслов на земле, является социум, общество, община. То же, даже в еще большей степени, можно сказать о конфуцианстве, где вообще весь контекст социетарен, и даже сам индивид имеет значение только в контексте социума. Но даже и буддизм, несмотря на психологизм, в основе своей социетарен: вспомним, что мотивом Ситхартха Гаутамы, будущего Будды, было избавление от страдания в этом мире, а уход – это, как известно современным психологам, обратная зависимость от того, от чего уходишь. В решении проблемы контекстуальности религия вплоть до XVI века стоит на почве социетарности: *на земле субъектом-носителем контекста, смысла текстов является социум, община, а не индивид. Контекст – социетарный феномен.*

Ситуация в корне меняется в XVI веке с зарождением протестантизма, не только допускающего, но и прямо предписывающего персональное чтение и толкование Библии. В таком же индивидуалистическом ключе трактуется в протестантизме и принцип *ratio*: разум – это атрибут индивида, а не социума. Это коренным образом отразилось позже на искусстве.

В отличие от науки, где контекст всегда объективен, и религии, где контекст всегда социетарен (современный протестантизм – лишь исключение, подтверждающее правило), в **искусстве** как сфере художественного творчества на протяжении всего Нового времени мучительно шли поиски места и роли индивидуальности. В классической филологии, зародившейся в эпоху Возрождения, герменевтика еще выступает как искусство перевода античных текстов на язык живой, современной культуры. Но уже тогда прозвучала христианская идея богоуподобления в творчестве, которая стала основной темой русского экзистенциализма у Н.А.Бердяева. В Новое же время отчетливо звучат две традиции.

Социетарные коннотации в проблеме контекста мы встречаем у И.Г.Гердера [3], у которого язык как «дух народа», являясь контекстом конкретных текстов, сам есть феномен, находящийся в более широком контексте – контексте культуры. В философии эту позицию обобщил Г.В.Ф. Гегель [2], в философской системе которого само искусство является вовсе не вершиной, а только первой ступенью развития абсолютного духа. Второй ступенью является религия откровения, а третьей – философия. Так что не только тексты надо рассматривать в контексте всего художественного сознания (искусства), но и само художественное сознание надо рассматривать в более широком контексте развития духа, духовной сферы. Горизонт рассмотрения проблемы был еще более расширен позже в марксизме, в рамках которого и вся духовная сфера рассматривалась в контексте экономико-социально-политического развития социума, то есть в контексте истории,

понимаемой с материалистических позиций. Тем самым XX век подошел к системному осмыслению проблемы контекстуальности: *в рамках такого системного видения все имеет социетарный контекст.*

Индивидуалистические же коннотации в осмыслении проблемы контекстуальности мы встречаем впервые в немецком романтизме, где и была поставлена проблема герменевтики, то есть выявления контекста, как общеполитическая проблема. При этом своеобразную двойственность мы встречаем практически у всех мыслителей этого направления вплоть до Гадамера. У раннего Фридриха Шлегеля [12] «идеальное разума» и «реальное универсума» – два полюса в картине мира. Универсум – социальный контекст, но его невозможно фиксировать в застывших понятиях науки, его можно только открывать и созерцать в символах искусства. Сознание – это индивидуальное воображение, создающее символы искусства.

Протестантский теолог Фридрих Шлейермахер [13] усиливает индивидуалистическое начало: герменевтика мыслится как искусство понимания чужой индивидуальности, «другого». При этом предметом герменевтики является вовсе не содержание универсума, а *аспект выражения*, поскольку именно выражение есть воплощение индивидуальности. Отсюда его отличие герменевтики от диалектики, позволяющей выявлять объективную логику, и от грамматики, которая вообще чужда индивидуальному и есть система общепринятых правил языка.

Тенденция поиска индивидуальности, далее, находит свое продолжение в рамках «философии жизни» и западноевропейского иррационализма. Вильгельм Дильтей [6] выдвигает метод понимания как непосредственного постижения некоторой духовной целостности, целостного переживания. А герменевтику он понимает как «искусство понимания письменно фиксированных жизненных проявлений». Принципиальная невозможность в этом случае понять «другого» заставляет Эдмунда Гуссерля [5] ввести понятие *интенциональности*, однако его понятия «жизненного мира», «нетематического горизонта» – это не что иное, как заменители понятия *социетарного контекста*. Не зря его ученик Мартин Хайдеггер [11] охарактеризовал реальность «жизненного мира» как *языковую реальность по преимуществу*. И Хайдеггер возвращает социетарности ее первичность, утверждая, что не мы говорим языком, а скорее язык «говорит нами». Но поскольку сугубо научный язык с его сухими либо неоднозначными (если речь идет о социальных науках) понятиями беден и не способен выразить тайну бытия, то выразителями тайны бытия становятся поэты, слово которых всегда объемно и имеет глубину.

Вершиной в этом направлении можно считать Ханса Георга Гадамера. Он пытается связать хайдеггеровскую субъективную герменевтику с гегелевской объективной логикой, стремясь, по его словам, «больше следовать Гегелю, чем Шлейермахеру». В свое время Гадамера заклеили индивидуалистом, интуитивистом и чуть ли не мистиком, и совершенно зря. Его «здравый смысл» (*sensus communis*) – это ментальность, менталитет, «единство общего разума» [1,66]; его «способность суждения» – это мораль, принятая система норм поведения, выражение «подлинной нравственно-гражданской солидарности»; его

«вкус», который следует определить как «духовную способность к различению» – это этика и эстетика, рациональная рефлексия менталитета. И вся критика Гадамером Канта – это критика индивидуализма и релятивизма, которые присущи Канту как агностику, с социетарных позиций. Так, с помощью понятия «предрассудка» Гадамер пытается вернуть индивиду его значимость: «пред-рассудок» – это пред-рассуждение, это мировоззренческая установка, это преднайденный контекст. То есть – менталитет.

Работа Гадамера «Истина и метод» (1960) – это своеобразный (конечно, условный) рубеж. Социальные науки переживают в этот момент методологический кризис. Факт появления и распространения в 60-е годы в изобразительном искусстве *концептуализма* очень показателен. Искусствоведы склонны трактовать это как перемещение изобразительного искусства из сферы созерцания в сферу познания, мысли, науки. Концептуализм – это попытка искусства выйти на проблему социальных контекстов. Создается, однако, впечатление, что это устремление европейского искусства к смыслам (ибо социальные контексты – это исторически значимые смыслы, а не индивидуальные фантазии) было прервано начавшейся эпохой массовой культуры и постмодерна.

Принципиальная новизна ситуации заключается в том, что **появляется возможность достаточно эффективно управлять не только текстами, но и контекстами, а вместе с тем и самой социальной реальностью.** Отчасти мы затронули эту проблему на прошлом нашем семинаре «Модусы реальности» в той его части, где речь шла о медиареальности, поскольку эта новая возможность связана с новыми технологиями.

Собственно, попытка управлять контекстами уже была предпринята в первой половине XX века, когда новой технологией социального управления стала ПРОПАГАНДА. Остановимся лишь на одном примере использования искусства в пропагандистских целях. В кинематографе как самом массовом искусстве широко известен тренд – изображать жизнь и людей не такими, какими они являются на самом деле, а такими, какими мы хотим их видеть. Этот тренд удачно использовался как в СССР в рамках соцреализма, так и на Западе в виде голливудской продукции, которую мы по аналогии можем отнести к жанру капреализма: те же приемы, только ценности противоположны. Мы уже не говорим о трансляции социальных контекстов через кинематограф в немецком Рейхе. Но методы пропаганды очевидны, они лежат на поверхности, поэтому пропаганде можно было противостоять, критически относиться к ней, дистанцироваться от нее.

МАСС-МЕДИА во второй половине века стали более успешной, с точки зрения эффективности управления, заменой пропаганде потому, что эта социальная технология действует скрытно на подсознание и инстинкты, а стало быть, и на поведение большинства. Чисто теоретическая, культурная проблема контекста, таким образом, замещается совсем другой – политической проблемой: **кто и с какой целью формирует контексты.** Эта политическая проблема может осознаваться, а может и не осознаваться или даже сознательно замазываться, маскироваться. Проблема манипуляции сознанием уже стала дежурной проблемой на теоретических конференциях, а практика манипуляции оснащена научно

разработанными технологиями. Иными словами, вопрос не в том, что кто-то плохой сегодня манипулирует сознанием, а кто-то хороший и пушистый – не манипулирует, не в том, что кто-то плохой конструирует контексты, а кто-то наивный и честный – не конструирует. Индивидуально от конструирования контекстов и от манипуляции сегодня можно спастись только уходом в скит на манер известного предпринимателя Стерлигова. Но в какой скит уйдет страна? Для страны вопрос стоит иначе: нельзя претендовать на лидерство, не формируя контексты.

Сегодня контексты формируются в медиареальности. Однако, дискурс-анализ медиареальности в современных исследованиях показывает, что «пока не знаем **целевой задачи**, не можем спроектировать методологию и обосновать необходимость разработки каждого отдельного алгоритма» [4]. Иначе говоря, невозможно формировать контексты, не решив проблему **стратегической цели развития страны**. А такая цель формулируется только в рамках идеологии. Аналитики отмечают, что граждане США сегодня столь же фанатично верят в идеалы демократии, как советские люди в 30-е годы верили в идеалы коммунизма. И это – результат сетевого управления контекстами. Правящая партия Китая в 1989 году на своем X съезде поставила задачу к 2000 году решить продовольственную задачу, к 2010 году – стать среднеразвитой страной, а к 2050 году – стать сверхдержавой. И все контексты формируются в этом направлении. Вспомним, что Китай контролирует свой Интернет. Между тем, в России такого единого проекта формирования контекстов нет, как раз по причине отсутствия стратегической цели развития. Мы не знаем, куда идем.

Вывод: сегодня проблема контекста любого текста приобретает особое значение, связанное с практикой манипуляции сознанием и технологией массмедиа, откуда следует, что:

- а) если мы не видим контекста, то это не значит, что его нет; он есть;
- б) отрицание контекста – это тоже контекст, контекст постмодерна и массовой культуры;
- в) очевидно, что существует субъект, конструирующий сегодняшние контексты;
- г) очевидно, что одним из субъектов, хотя и не основным, конструирующим сегодняшние контексты, является совокупный сетевой субъект, то есть мы с вами;
- д) нереализованность наших (и индивидуальных, и страновых) контекстов в сетевом пространстве означает реализацию и победу чужих контекстов, не всегда дружественных нам, о чем, к сожалению, свидетельствует история России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том первый. Наука логики. Том второй. Философия природы. М., 1975.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
4. Градосельская Г.В. Образ России в информационном пространстве страны, ближнего и дальнего зарубежья // Материалы пятой международной

научно-практической конференции «Фундаментальные и прикладные проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений». СПб., 23-24 марта 2011г.

5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 2001.
6. Дильтей В. Сущность философии. М., 2001.
7. Иванов В.Г., Лезгина М.Л. Горизонты науки XXI века. Этюды философии науки. М., 2006.
8. РБК // Журнал №4. 2006.
9. Светберг Т. Материя, ее исследование в прошлом и настоящем. М., 1920.
10. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
12. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. М., 1983.
13. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.

Социум.Сознание.Язык. Материалы третьего научно-теоретического семинара на тему «Текст и контекст» 30 марта 2011 года. СПб.,2011.